

Ipse semipaganus. К интерпретации “Холиямбов” Персия

Сатиры Персия не ставят перед исследователями никаких сверхсложных грамматических задач, почти не содержат трудных для толкования реалий и заведомо не претендуют на исключительную глубину или оригинальность¹. Вся трудность интерпретации этих текстов заключается в установлении связи (в большинстве случаев все же существующей²) между отдельными разорванными фрагментами мысли. Именно на эту проблему наталкиваются интерпретаторы, пытающиеся определить общий смысл так называемых “Холиямбов” – стихотворного введения к книгам сатир Персия³ – и разобраться в том, какую оценку соб-

---

¹ Ср. Aulus Persius Flaccus. *Satiren*. Hrsg., übers. u. komm. von W. Kißel (Heidelberg 1990) 3–4. При прояснении мысли Персия в распоряжении ученых конца XX в. иногда оказывается почти тот же самый материал, которым оперировали, скажем, гуманисты, комментировавшие editio princeps. Отсюда большая, чем обычно, опасность повториться, которой не избегли, к сожалению, многие современные комментаторы. Примеры этого для нашего места см. ниже.

² Обратного мнения придерживается большинство старых ученых: Joseph Justus Scaliger. *Prima Scaligeriana* (Trajecti ad Rhenum 1670) 85. Ср. M. Schanz – C. Hosius. *Römische Literaturgeschichte* II (München 1935) 480–481. Сейчас мало кто разделяет восходящие к Скалигеру представления о Персии как о поэте, намеренно затемнявшем свои стихи из желания показаться учнее и потерявшем благодаря своей нарочитой оригинальности нить собственной мысли. Мы присоединяемся к мнению, высказанному в свое время переводчиком Персия Э. Бертоном (*The Satyrs of Persius* [London 1752] III): “‘Tis rather owing to want of assiduity in the reader, than to want of perspicuity in the author, that Persius deemed to be an obscure, inelegant and unintelligible author”. Конечно, никакое упорство не поможет найти в Персии то, чего в нем нет, однако результаты тысячелетней осады, первым памятником которой остаются схолии, не дают нам права делать вывод о полном бессилии исследовательской мысли перед текстами Персия.

³ О. Ян (*Auli Persii Flacci Satirarum Liber*. Ed. O. Jahn [Lipsiae 1843, Ed. major] 71, 235) считал, что полемическая направленность Пролога требует отнести его главным образом к первой сатире. Такое мнение вызвано, в частности, несоответствием поэтических деклараций Пролога с тем, что Персий высказывает в других сатирах. В дальнейшем мы попытаемся показать, что это лишь кажущееся несоответствие.

ственного творчества, современной ему поэзии и, наконец, поэтического искусства вообще дает автор в этих стихах.

Действительно, текст, о котором пойдет речь в дальнейшем, явно делится на две части:

1. (1–7)

*Nec fonte labra prolui caballino
Nec in bicipiti somniasse Parnasso
Memini, ut repente sic poeta prodirem,
Heliconidasque pallidamque Pirenen
Illis remitto, quorum imagines lambunt
Hederae sequaces: ipse semipaganus
Ad sacra vatium carmen affero nostrum.*

2. (8–14)

*Quis expeditiv psittaco suum chaere
Picasque docuit verba nostra conari?
Magister artis ingenique largitor
Venter negatas artifex sequi voces.
Quod si dolosi spes refulserit nummi,
Corvos poetas et poetridas⁴ picas
Cantare credo Pegaseium nectar⁵.*

(“1. Я не омывал губ в лошадином источнике и не помню, что спал на двуглавом Парнасе, чтобы этак внезапно выйти поэтом. И Геликонид, и бледную Пирену я оставляю тем, чьи лица вылизывает быстро овивающий [все] плещ. Я сам, полумужик, подношу нашу песнь к святыням прорицателей.

2. Кто выманил из попугая его ХАИРЕ и научил сорок нашим [человеческим] речам? Наставник искусства и даритель таланта – живот, мастер подражать словам, в которых отказано [природой]. Так что если засверкает

⁴ Для нашего анализа важно, что Персий, не задумываясь, изобретает греческое слово ποιητής, опираясь на аналогию: ἀλλήτης–ἀλλήτρις ⇒ ποιητής–ποιητρίς, хотя по-гречески нормально – ποιήτρια (последнее имеется в качестве глоссы в части recensiores по Яну). Это, также как и грецизм artifex sequi, служит дополнительным свидетельством в пользу того, что предметом насмешек Персия не является грецизация латинского стиха современными ему поэтами.

⁵ Приведенный текст является общепринятым со времен издания Яна-Бюхелера (*A. Persii Flacci, D. Iunii Iuvenalis, Sulpiciae Saturae* recensio. O. Jahn, curam edit F. Buecheler [Berolini 1893, Ed. minor] 61).

надежда на обманчивую монету, то я уверен, что Пегасов нектар станут в песнях изливать вороны-поэты и сороки-поэтессы.”)

На эту дихотомию первым обратил внимание И. Казобон, считавший вторую половину 6-го и 7-ой стих центральными:

“In his verbis positus est praecipuus poetae scopus in scribendo hoc carmine. Quaecunque alia his attexuntur, fimbria sunt, paludamento assutae”⁶.

Далее Казобон подчеркивает посвятительный характер всего стихотворения, стремясь соотнести его с соответствующей традицией. Однако цель Персия, конечно, не исчерпывается желанием принести свои стихи на алтарь прорицателей, под которыми сатирик подразумевает вдохновенных поэтов. К чему тогда фамировский пафос начала Пролога и кинические декларации второй его части? Казобон не уточняет, как соотносятся отмеченные им стихи со второй частью и какое значение слова *semipaganus* объединяет их с первыми строками.

Раздробленность Пролога вызвала радикальную гипотезу Ф. Лео о том, что в данном случае мы имеем дело с двумя различными произведениями, объединенными и вынесенными вперед издателями, возможно – Корнудом и Цезием Бассом⁷. Это мнение, принятое меньшинством ученых, основывается на следующих аргументах:

1. В дошедшем до нас жизнеописании Персия, принадлежность которого Валерию Пробу после исследований О. Яна считается весьма вероятной и которому, следовательно, мы в целом должны доверять,⁸ есть указание на то, что Корнуд, а возможно – и Цезий Басс слегка отредактировали текст Персия:

⁶ *A. Persii Flacci Satyrarum Liber cum I. Casauboni notis*. Ed. nov. cura et opera Merici Casauboni I. f. aux. F. Deubner (Lipsiae 1833) 12. Интуиция подсказывает Казобону, что в *semipaganus* присутствует объединяющий смысл.

⁷ F. Leo. Zum Text des Persius und Juvenal // *Hermes* 45 (1910) 48. Авторитет Лео в вопросах Персневых рукописей был настолько велик, что ряд исследователей последовали за ним: ср. P. Thomas. Notes critiques et explicatives sur les “Satires” de Perse // *Bull. de l’Acad. de Belg. Cl. des lett.* 1920, 65–66; E. Marmorale. *Persio* (Firenze 1956) 330–344.

⁸ O. Jahn. *Ed. major*, CL – CLII. Проб был старшим современником Персия и снискал заслуженные похвалы за свою работу над латинскими поэтами. Известны его схолии к части вергилиевского корпуса, позволяющие судить о скрупулезности и остроумии их автора.

Hunc ipsum librum imperfectum reliquit (sc. Persius). Versus aliqui dempti sunt ultimo libro, ut quasi finitus esset. Leviter conrexit Cornutus et Caesio Basso petenti, ut ipse ederet, tradidit edendum⁹.

2. Ни у Ювенала, ни у Горация, ни в плохо сохранившихся сатирах Луцилия не отыскивается никаких следов специального введения. Следовательно, “Холиямбы” – единственный в своем роде образец, а такое новаторство Персия в области жанра малопривлекательно.

Однако существует ряд обстоятельств, не позволяющих принять такое крайнее мнение. Во-первых, жизнеописание сообщает, что Корнут заставил мать Персия сжечь все произведения поэта, кроме его сатир. Если Пролог был на самом деле двумя отдельными не относящимися к сборнику стихотворениями, он, скорее всего, разделит бы судьбу остальных *carmina* поэта. Стремясь к предельной точности, добросовестный грамматик приводит заглавия некоторых вещей, причем сообщает их явно по слухам – отсюда, как представляется, и возникла путаница в традиции и споры по поводу этих названий¹⁰. Вместе с тем, цитируемый отрывок дает основания предположить, что редактирование текстов Персия коснулось только шестой сатиры¹¹. В части рукописей “Холиямбы” помещены после последней сатиры, но это объясняется, как показал В. Клаузен, путаницей страниц. В 527 г., когда создавался экземпляр α , потерянная после более ранней правки первая страница была просто приложена к концу рукописи¹². Присущая биографу скрупулезность, на-

⁹ К сожалению, *Persii Vita* не имеет пока современного критического издания. Текст приводится по изд. Яна – Бюхелера: *Ed. minor*, 59. В *Ed. major* другое чтение и другая интерпункция – ... , et quasi finiturus esset, ... Сам Ян, видимо, считал, что редакция Корнута и Басса относилась только к 6-й сатире.

¹⁰ Scripserat in pueritia Flaccus etiam praetextam (название не указывается!), et Vescio et Opericon (nescio et operio: В; ὄδοιπορικῶν: Pithoeus, oschorporicon – греческое слово, восстанавливаемое Бюхелером) et paucos in socrum Thraseae in Arriam matrem versus... Omnia ea auctor fuit Cornutus matri eius, ut aboleret.

¹¹ За это говорит не только приведенное выше чтение Яна, но и отсутствие объекта при *conrexit*, дающее возможность отнести *conrexit* по смыслу к предыдущему высказыванию.

¹² Первую рецензию осуществил Сабин (Julius Tryphonianus Sabinus) в 402 г. Ср. О. Jahn. Über die Subscriptionen in den Handschriften römischer Classiker // *Berichte üb. d. Verhandl. d. k. sächs. Ges. d. Wiss. zu Leipzig*, phil.-hist. Kl. 1851: 3, 332; W. Clausen. Sabinus' MS of Persius // *Hermes* 91 (1963) 254–255. Недавно В. С. Дуровым было высказано мнение о том, что Пролог был

верное, заставила бы его сообщить о такой важной детали, как работа Корнута и Басса над Прологом.

Во-вторых, сатириком в широком смысле слова Персию мешают быть его верность стоической доктрине, отвергающей критику нравов как бессмысленную, бесполезную и мешающую нравственному совершенствованию¹³. Причины, по которым Персий выбрал именно этот жанр, были скорее принудительного свойства: не раз высказываемое презрение к эпосу, лирике и трагедии (*Grande locuturi nebulas Helicone legunto* – 5, 7), а также увлечение Луцилием и Горацием, в сатирах которых он находит соответствие своим взглядам (1, 114. 118). С другой стороны, в жанре римской сатиры, имевшей ко времени Персия всего двух весьма своеобразных представителей, не могло сложиться таких жестких правил, которые талантливый поэт не посмел бы нарушить. Некоторые старые издатели вместе с Казобоном считали, что *προοίμιον* Персия вызван, в частности, ориентацией сатир на греческую драму¹⁴. Однако параллели отыскиваются и в других жанрах. Катулловский сборник, возможно, имел два

написан не Персием, а Сабиним. *Semipaganus* было предложено понимать как “полуязычник” (В. С. Дуров. “Холиямбы” Персия // *Вестник Санкт-Петербургского Университета*. Серия 2. Выпуск 4 [1996] 81). Это суждение представляется все же слишком смелым. Персий был достаточно известен в V веке, и было бы странным сочинять за него предисловие, в котором явным образом содержится претензия на авторство всего последующего текста. Если Сабин все же рискнул сочинить такое предисловие, как бы характеризуя в своих стихах творчество Персия, он назвал бы сатирика просто *raganus*, так как в дальнейшем тексте сатир трудно найти христианские мотивы. Дополнительным аргументом против мнения В. С. Дурова служит то, что “Холиямбы” есть в рукописи L, восходящей, по всей видимости, к независимой от сабиновского кодекса рукописной традиции. К тому же мы не считаем эти стихи настолько “убогими”, чтобы приписывать их неизвестному автору пятого века. Нам представляется правильным мнение Иосифа Скалигера и Исаака Казобона, не сомневавшихся в выразительности и оригинальности “Холиямбов” и даже переложивших их на греческий.

¹³ Epict. *Ench.* 20, 2: *ὅταν οὖν ἐρεθίσῃ σέ τις, ἴσθι, ὅτι ἢ σὴ σε ὑπόληψις ἤρεθικε.* 14,4: *θέλεις γὰρ τὴν κακίαν μὴ εἶναι κακίαν, ἀλλ' ἄλλο τι.* 30,5: *τῆρει τοιγαροῦν τὴν τάξιν τὴν σεαυτοῦ πρὸς αὐτὸν μὴδὲ σκόπει, τί ἐκεῖνος ποιεῖ.* Ср. также M. Aurel. VIII, 4.

¹⁴ I. Casaubon. *Op. cit.*, II; G. L. Koenig. *De Persii vita, moribus et scribendi genere* (Gottingae 1803) 17. В сатирах Персия превалирует диалог, что давало ему право соотносить свой труд с излюбленными драматическими образцами.

вступления – 1 и 14 b¹⁵. Дошедшее до нас первое стихотворение имеет дополнительный мотив – рядом с посвящением Непоту обращение к Музе, возможно, ироническое¹⁶. Более того, в *Cogrus Pgiareogum*, у Марциала и Авсония мы встречаем два разных стихотворных предисловия к книге эпиграмм, носящие, как правило, посвятительный характер¹⁷. Таким образом, Персий, сочиняя в качестве пролога к сатирам хотя и весьма своеобразные, но все же посвятительные¹⁸ стихи, мог опираться на существующую традицию ἀναθηματικά.

В дальнейшем мы будем исходить из того, что "Холиямбы" задуманы Персием как предисловие к сатирам, состоящее из двух симметричных частей. Однако соблазнительно было бы найти сквозной мотив, объединяющий эти части и доказывающий, таким образом, цельность данного произведения¹⁹. Попытки определить ход мысли Персия и поэтический смысл Пролога в целом сводятся к следующему: Персий не желает быть похожим на тех поэтов, которые говорят, что их стихи – результат божественного вдохновения, так как: а) не признает вдохновения

¹⁵ *Catull's Poems* ed. with Intr., Rev. Text and Comm. by K. Quinn (London 1970) xx–xxi, 139. Не исключено, конечно, что 14 b, приписанное к предыдущему стихотворению вследствие порчи рукописей, представляет собой пролог к другому сборнику, о содержании которого мы, правда, ничего не знаем.

¹⁶ K. Quinn. *Op. cit.*, 138. Катулл просит, чтобы его книжечка (*libellum*, заведомо легкомысленного содержания) пережила многие века. Проникнутые иронией, эти стихи в одинаковой степени свидетельствуют и об осознании поэтом силы своего таланта.

¹⁷ С. Р. 1–2. Предположительное время издания С. Р. близко к Персию (М. Позднев. *Приапей*. В печати); ср. Mart. ad libr. I, III, V, XI; Aus. *De Biss.* 1–2. Авсоний, видимо, подражает С. Р.

¹⁸ Vates мы предлагаем вместе с Яном (*Ed. major*, p. 76) понимать как иронически-торжественное обозначение поэтов вообще. Ср. Juv. 1, 16.

¹⁹ Именно такую задачу считает главной для всех исследователей "Холиямбов" К. Дессен (K. Dessen. *Junctura callidus acri* [Urbana 1968] 17).

вообще²⁰, б) не хочет подражать грекам²¹; с) не считает сатиру настоящей поэзией, чем выказывает свою скромность²².

Заметим, что основанием для первых двух объяснений, в частности, является слово *ipse*. *Ipse* – то есть без помощи Муз, в противоположность другим, нуждающимся в поддержке традиционных источников вдохновения. Это подчеркнутое (не менее, чем *semipaganus*) *ipse* противоречит, на наш взгляд, заявлениям о скромности Персия.

Резюмируя свою позицию, Персий в конце пассажа называет себя *semipaganus*. Далее постулируется положение о том, что не вдохновение, а голод является двигателем искусства. Здесь Персий хочет сказать, что а) у искусства вообще есть и другие, более естественные стимулы, помимо вдохновения²³; б) всеми современными поэтами движет желание набить потуже кошель. Они могут лишь слепо следовать чужим образцам²⁴.

Из этой схемы явствует исключительная важность самоопределения *semipaganus* для понимания всей конструкции. Очевидно, данный композит включает в себе какой-то особенный скрытый смысл, *Hindernis der Hindernisse*, как это обычно бывает у Персия. Поэтому естественно, что именно *semipaganus* в первую очередь привлекает внимание всех без исключения комментаторов, начиная со схолиаста, который предлагает такое объяснение этого ἄπαξ λεγόμενον:

semipaganus, semipoeta. Et hoc verbo humili satyrico modo usus est. Pagani enim dicuntur rustici, qui non noverunt urbem, ἀπὸ τοῦ πάγου, a villa.

²⁰ Ср., например, E. C. Witke. The Function of Persius' "Choliambics" // *Mnemosyne* 15 (1962) 153–158. По Витке, "Холиямбы" представляют собой не что иное, как киническое или псевдокиническое понимание искусства, не связанное с отношением к искусству самого Персия.

²¹ Ср. у Яна, в качестве одного из вариантов: "Neque enim poeta vult videri ex eorum numero, qui cum Graecis Musis commercium habent..." (*Ed. major*, 72). Ср. также K. Dessen. *Op. cit.*, 17–20.

²² Так у большинства старых издателей. Ср. *A. Persii Flacci Satirae*, ed., adn. exeget. et indice verborum instr. G. Némethy (Budapest 1903) 47.

²³ G. L. Koenig. *Comm. perp. in A. Persii Flacci satiras VI* (Gottingae 1803) 9. Так и у Витке (*Op. cit.*, 154). Ср. Нор. *Serm.* I, 1, 73; I, 6, 87. Но Персий никогда не стал бы отождествлять себя с поэтами-воронами – см. E. Gaar. *Persiusprobleme* // *WSI* 31 (1909) 131.

²⁴ Последовательно это высказано у Дессен (*Op. cit.*, 17–24). Однако к такой позиции интерпретаторы Персия склонялись уже очень давно. Ср. D. Weddeborn. *Persius enucleatus* (Amsterdam 1664) 2–4.

Aliter. Semipaganus, semivillanus, i. e. non integre doctus. Ego autem inter poetas et rusticos sum medioximus.

Pagos enim villa, fons, unde pagani dicuntur villani, quasi ex uno fonte potantes²⁵.

Схолии к Персию, видимо, были составлены в конце IX в. из маргинальных и межстрочных заметок²⁶ и получили заголовок "Cornuti Commentum", однако целый ряд очевидных несоответствий дает основание предполагать, что Корнут не мог быть их автором. Большинство примечаний было несомненно написано в средние века²⁷. Мнение О. Яна о том, что настоящий автор схолиев, возможно, называвший себя Корнутом, жил немногим позднее Карла Лысого и написал весьма известные в средние века объяснения к Ювеналу²⁸, было оспорено Х. Либлем и К. Маркези²⁹. Рассматриваемые сами по себе, маргинальные и межстрочные заметки дают основание предполагать, что Персия начали толковать уже в поздней античности³⁰. Впрочем, Ян, отмечая, что схолии к Ювеналу Псевдо-Корнута значительно уступают остротой мысли схолиям к Персию, также объясняет это тем, что при работе над Ювеналом схолиаст опирался только на собственную эрудицию, тогда как в случае с Персием он, очевидно, имел готовый материал, возможно, восходящий к античности. В пользу наличия античных объяснений к Персию говорит и цитируемый многими текст Иеронима, в котором содержится явное указание на существование полного школьного комментария к Персию³¹. Но, помимо античного и средневекового слоя этих схолиев, мы должны учитывать и то, что до их

²⁵ Текст приводится в полном виде по Яну (*Ed. major*, 246).

²⁶ P. Weßner. Zu den Persiusscholien // *WkIPh* 34 (1917) 473, 496. Параллельно существовал комментарий Ремигия, написанный в X в., части которого также вошли в "Cornuti Commentum", см. R. Sabbadini. Spogli Ambrosiani latini // *StIt* 11 (1903) 203, 335; A. Berger. Zum sogenannten Cornuti Commentum // *WSt* 32 (1910) 157.

²⁷ Ср., например, Schol. ad 1, 46; 1, 108; 12, 58; 3, 10; 3, 103 и др.

²⁸ O. Jahn. *Op. cit.*, CXXVIII – CXXXII.

²⁹ H. Liebl. *Die disticha Cornuti und der Scholiast Cornutus* (Straubing 1883) 39. 42. C. Marchesi. Gli scoliasti di Persio // *RFIC* 39 (1911) 564–584.

³⁰ Terminus post quem – Schol. ad 2, 56: Acron tradit; Terminus ante quem – Schol. ad 2, 14: dotis dictio, отмененное в 428 г. конституцией Феодосия II и Валентиниана III.

³¹ Hieron. *Adv. Rufin.* 1, 16 (PL 23, 429 A): Puto, quod legeris Aspri in Vergilium et Sallustium commentarios, ... et aliorum in alios, Plautum videlicet, Lucretium, Flaccum, Persium atque Lucanum.

первого издания в 1499 году текст средневекового комментатора находился в руках гуманистов, обсуждался ими³² и впитал в себя известное количество дополнительных глосс.

Что эти соображения дают нам в применении к приведенному отрывку? Совсем недавно В. Кисселем было замечено, что весь текст схолия направлен на объяснение *semipaganus* как *semirusticus*, а *semipoeta* выглядит лишним и, должно быть, представляет собой дополнительную, возможно, раннегуманистическую глоссу³³. Это мнение представляется нам весьма правдоподобным. Большинство схолиев, объясняющих то или иное непонятное слово, строятся одинаково: синоним или синонимичное словосочетание, приводимое вначале, дополняется затем более подробными разъяснениями, смысл которых соотносится с указанным синонимом. В нашем случае синоним *semipoeta* явно не поддерживается определением *verbum humile*. Непонятным представляется и то, как *semipoeta* может быть употреблено сатирически.

Вся вторая часть схолия (со слова *aliter*), не вошедшая в *Ed. minor*, является плодом мысли средневековых грамматиков. Об этом свидетельствует прежде всего неантичное *villanus*. Объяснение по *integre doctus* весьма остроумно и заслуживает дальнейшего рассмотрения, но дальнейшая экспликация этого значения — *ego autem inter poetas et rusticos sum mediocris*, предполагающая некое пограничное состояние между поэтом и деревенщиной, не вносит ясности. Дж. Д'Анна, по-видимому, верно сопоставляет: *semipaganus / semipoeta = semivivus / semimortuus*. Вынесенное за скобки *semi-* предполагает равенство несовместимых понятий³⁴. Таким образом мы вряд ли ошибемся, если предпо-

³² Об этом свидетельствует переписка гуманистов друг с другом: Ср. E. Veneti ad P. Danielem ep. (Jahn. *Op. cit.*, CXVII).

³³ Kibel. *Op. cit.*, 86. Само по себе это означает лишь то, что один из читателей Персия предложил свое понимание текста. То, что он оказался в меньшинстве, не дает оснований приписывать ему близорукость. Ведь толкование как *semipoeta* принято многими авторитетными издателями нового времени (см. ниже). Определенно одно: *semipaganus = semipoeta* в схолиях не относится к античному материалу, и, следовательно, мы не можем доверять такому объяснению из-за его древности больше, чем любому другому.

³⁴ G. D'Anna. *Persio semipaganus // RCCM* 6 (1964) 183. Параллель с Проперцием, призванная подтвердить это положение, разбирается нами далее в ином контексте.

ложим, что вся вторая часть схолия не основывается на материале античного комментария³⁵.

Совершенно иначе выглядит начало текста. *Paganus* характеризуется как *verbum humile*, что сразу же правильно ориентирует нас в семантике этого слова. Причем союз *et* объясняется тем, что Персий 4-мя стихами ранее воспользовался другим *verbum humile* – *caballinus* по отношению к Гиппокрене, что может свидетельствовать о принадлежности к первоначальному связному комментарию, свободному от последующих глосс. Дальнейшая экспликация значения *paganus* – *rustici, qui non poverunt urbem*, преувеличивающая истинное положение дел, близко подводит, как нам представляется, к правильному пониманию слова. Нам кажется вероятным, что толкование *semidoctus* выведено Псевдо-Корнутом из смысла предыдущего предложения, восходящего к более древнему и, следовательно, более надежному комментарию.

Необходимо сказать, что к приводимым в схолиях толкованиям примыкают так или иначе и ученые нового времени³⁶. Исключение составляет только Казобон, предлагающий (правда, в качестве одного из вариантов) понимать *semipaganus* как *semimiles*³⁷, что, хотя отчасти и подтверждается римскими пред-

³⁵ Наивная этимологизация *pagus* – πῆγῆ (quasi ex uno fonte potantes) в доведенном до абсурда виде – *semipaganus* от ἤμι+πῆγῆ – встретила нам также в комментарии Бартоломео Фонция к изданию Персия 1486 года, то есть за 13 лет до издания схолий. Удивительно, что Г. Мост, хотя и со знаком вопроса, предлагает, исходя из стонческих словоштудий Корнута в Ἐλιδροῦν, видеть в *semipaganus* попытку такой этимологизации (G. Most. *Cornutus and Stoic Allegoresis* // *ANRW* II. 36. 3 [1989] 2052). Каким образом могли догадаться об этом слушатели и читатели – современники Персия? Подобные этимологические попытки представляют собой весьма специфический и трудный для восприятия материал и в поэзии должны быть предельно ясно мотивированы и обыграны – так, например, как это неоднократно делает Плавт. У Персия мы нигде больше не встречаем этимологизаций. Обилие смелых толкований Моста в указанной статье связано, очевидно, со стремлением автора поднять интерес к творчеству Корнута. В действительности *paganus* родственен греч. πῆγνυσι, лат. *pango, paciscor*, рах. Ср. А. Ernout, A. Meillet. *Dictionnaire étymologique de la langue latine* (Paris 1967) 475.

³⁶ Ср. D. Во. *A. Persii Flacci Lexicon* (Hildesheim 1967) 161: «de significatione ambigitur; sunt, qui “semirusticus” intellegant, alii “semipoeta”, alii “semidoctus”», что практически повторяет схолий.

³⁷ В целом объяснение Казобона примыкает к *semipoeta* – “quia sine fabulis, quas non admittit genus hoc carminis, nulla censebatur esse poesis legitima”: I. Casaubon. *Op.cit.*, 21.

ставлениями о поэтическом творчестве³⁸, не находит, однако, никакой поддержки у самого Персия, который стремится воздерживаться от активной позиции и не давать волю даже самой необходимой страсти сатирика – *indignatio*:

...Non, si quid turbida Roma
Elevet, accedas, examenve improbum in illa
Castiges trutina, nec te quaesiveris extra (1, 5–7).

До недавнего времени издатели в целом склонялись к объяснению *semipaganus* как *semipoeta* – “ein halber Zunftgenosse unter den Dichtern” (Немети)³⁹. Ход мысли комментаторов прост: если предположить, что *paganus* – не более чем член пага, то здесь это может быть только паг поэтов. Персий не хочет по тем или иным причинам отнести себя целиком к этому пагу. Однако он стремится как участник Паганалий принести свою посильную жертву на общий алтарь поэтов (Ср. Dion. Hal. *Ant. Rom.* IV, 15 относительно *Paganalia*).

Решающим аргументом против такой позиции является то, что паг не может означать корпоративную единицу. Это чисто территориальный термин. Следовательно, *semipaganus* нельзя объяснить в контексте *Paganalia*⁴⁰. Неудачным – замечает Киссель⁴¹ – выглядело бы и представление об отмечаемых раз в году Паганалиях поэтов. Если прибавить к этому сказанное выше о *semipoeta* в схолиях, становится ясно, что такое объяснение принять нельзя. К тому же оно не приближает нас к пониманию связи между 1-й и 2-й частями Пролога: какое отношение к Паганалиям имеет *venter* и *nummus*? И все же у этой интерпретации есть, как нам кажется, одно очевидное достоинство – она учитывает функцию *semi-*. Ясно, что отказавшись от вдохновения, Персий может назвать себя поэтом только наполовину.

Более правдоподобным представляется, однако, понимание *semipaganus* как *semirusticus*, принятое в настоящее время боль-

³⁸ Ср. Plin. *Ep.* 7, 25 – сравнение литературы с военными действиями в этом пассаже, который мы далее разбираем подробнее, является побочным мотивом. Казобон был уверен, что в *semipaganus* Персия следует видеть не одно только ироническое самоуничижение.

³⁹ G. Némethy. *Op. cit.*, 50; ранее: A. Persii Flacci *Satirae sex*. Rec. et. annot. crit. et exeget. add. E. G. Weber (Lipsiae 1826) 28.

⁴⁰ Ср. E. Kornemann. *Pagus* // *RE* XVIII, 2 (1942) 2318; Kibel. *Op. cit.*, 86.

⁴¹ Kibel. *Op. cit.*, 86. Впрочем, мы не уверены в том, что подчеркнуто-возвышенный стих 7 Пролога, несмотря на свою очевидную условность, непременно вызывал представление о ежегодности.

шинством ученых⁴² и в частности Кисселем⁴³. При таком толковании смысл наших стихов сводится к ироническому самоуничижению, которое “als Hintergrund für die bissige Analyse in v. 8–14 dienen soll”. Однако это понимание необходимо приводит интерпретатора к выводам более общего свойства: говоря о себе как о “полумужике” (“halb Bauer” [Пассов], еще лучше – “Halblaie” [Вебер⁴⁴, задолго до Кисселя]), Персий “spricht sich selbst nicht nur jede Inspiration, sondern darüber hinaus auch Bildung und Gelehrsamkeit des poeta doctus ab” (!).

Хорошей параллелью для такого понимания, не замеченной комментаторами, могла бы быть эпиграмма *Corpus Priapeorum* 68, где Приап смеется над гомеровским эпосом:

Rusticus indocte si quid dixisse videbor
Da veniam libros non lego, roma lego (68, 1–2).

Но сам Персий в 5-ой сатире, посвященной Корнуту, выступает поборником учености и явно не мыслит себя без ученых занятий: *At te nocturnis iuvat impallescere chartis* (5, 62); ... *pallentis radere mores / Doctus ...* (ср. 5, 15, где *doctus* в обращении Корнута к Персию выглядит как оправдание сатиры стойком). Примеры подобного рода нередки у Персия. 3-я сатира начинается с упреков тем, кому трудно проснуться и приступить к занятиям (Ср. *M. Aurel. VIII, 12*). Трудно представить себе, что Персий, восхищающийся ученостью в других и всячески стремящийся развивать в себе качества ученого, определяя свое отношение к творчеству, гордо назвал бы себя неучем. От этого стихотворца-философа мы ожидали бы скорее противопоставления непорядочности неучей, оправдывающихся тем, что пишут по вдохновению, собственному кропотливому труду.

Другая интерпретация *semipaganus* как *semirusticus* подчеркивает в *rusticus* значение грубости и неотесанности. *Paganus* как *rusticus* в смысле *rudis* было бы, безусловно, слишком крепким словом по отношению к самому себе. Метафорическое *paganus* в латинском языке должно было изменяться вместе с отношением римлян к сельским жителям вообще. Неоднократно предпринимавшиеся попытки поднять престиж простых крестьян свидетельствуют о все усиливавшемся презрении к ним. (Ср. *Plaut.*

⁴² J. J. Hartman. *Ad Persii Prologum // Mnemosyne* 45 (1913) 381, 446.

⁴³ Kibel. *Op. cit.*, 86–88.

⁴⁴ A. Persius Flaccus. *Satiren. Text und Übersetzung* v. F. Passow (Leipzig 1809); *Die Satiren des A. Persius Flaccus deutsch* von W. E. Weber (Bonn 1834).

Rud. 255–321, 669–698.) Эта эволюция, начавшись со времени пунических войн и гракханских реформ, привела к тому, что *paganus* “galt schliesslich als ein niederes Wesen, das von der Kultur wenig oder gar nicht berührt war”⁴⁵. В дальнейшем к людям этого сословия стали применять эпитет *humiliores*. К концу I в. н.э. это слово, применяемое иначе, чем в качестве определения сословной принадлежности, должно было быть весьма обидным. Мы полностью согласны с утверждением Н. М. Благовещенского о том, что “при всей своей скромности Персий едва ли мог так выразиться о себе”⁴⁶. Стремление Кисселя, предлагающего, в частности, и такую интерпретацию, объяснять это “halb Bauer” приверженностью ригоризму, свойственному, по конструируемой мысли Персия, латинским крестьянам, наталкивается на заявления чисто сарданапальского свойства, обнаруживаемые в 6-й сатире.

К пониманию *paganus* как *rusticus*, то есть *rudis*, примыкает и К. Дессен, которая, признавая такое *paganus* избыточно пейоративным, предлагает весьма нетривиальное объяснение нашего места⁴⁷. Ее позиция сводится к тому, что Персий, наоборот, гордится своей принадлежностью к *pagani*, так как вся утонченность (и образованность) других заимствована из Греции, а он – латинский поэт. *Carmen nostrum* предлагается понимать как римскую песню, имея в виду и сатиру как особый римский жанр, и римскую тематику следующих стихотворений. *Vates* – латинские поэты прошлого⁴⁸, а современные борзописцы – только по-

⁴⁵ Kornemann. *Op. cit.*, 2318 – “...mit Beigeschmack der kleinen dummen Leute da draußen, die sich gegenüber dem urbanus recht tölpelhaft manchmal benahmen.” Ср. *Dig.* XI, 4, 3, где Корнеманн видит уничижительный оттенок.

⁴⁶ *Сатиры Персия*. Перевел и объяснил Н. М. Благовещенский (СПб. 1892) 74. Повторим, что в данных стихах Персий предстает скорее дерзким, чем скромным.

⁴⁷ Dessen. *Op. cit.*, 18–19.

⁴⁸ За несколько лет до Кинфии Дессен, такое же мнение было высказано Й. Вашингом: J. H. Waszink. *Das Einleitungsgedicht des Persius // WSt* 76 (1963) 83. Учитывая, что из этих поэтов Персий признает только Горация и Луцилия (причем вовсе не за *rigor Romanus*, к которому, по мнению Дессен, сводится пафос “Холиямбов”), эта мысль представляется странной. К остальным латинским *vates* Персий относится презрительно, не только как поэт нового стиля, но и как философ, требовательно относящийся к литературным образцам: *Arma virum, nonne hoc sputosum et cortice pingui / Ut gamale vetus vegrandi subere coctus?* (1, 96–97). Ср. M. Aurel. XI, 6. В самом Прологе можно усматривать иронический намек на мистические видения Энния (ср. 6, 11–12: ...postquam destertuit esse / Maeonides, Quintus, pavone

пугаи и попугаихи⁴⁹ Нерона, ждущие от него подачки и, также как и он, перепевающие греческие стихи. Хотя построения Дессен связывают обе части "Холиямбов", предлагаемый ею смысл опять-таки не вписывается в контекст всех сатир. Персий неоднократно с негодованием и презрением отзывается о римлянах, ничего не смыслящих в греческой культуре:

Continuo crassum ridet Pulfennius ingens
Et centum Graecos certo centusse licetur (5, 190–191),

но кичащихся занимаемыми должностями:

Italo quod honore supinus
Fregerit heminas Areti aedilis inaequus (1, 130).

Наш поэт отдает себе отчет в том, что учителя его учителей – греки. Корнут, очевидно, также был греком африканского происхождения⁵⁰. Персий не отвергает всех греческих образцов. Более того, 1-ю, программную, сатиру он заканчивает просьбой читать его стихи тем, кто восторгается Кратинном, Эвполидом и Аристофаном, и гонит прочь того, кто

In crepidas Graiorum ludere gestit
Sordidus... (1, 124–127).

Все это достаточно свидетельствует в пользу того, что антигреческий пафос не свойственен Персию.

Еще более неприемлемую позицию занял А. Претор, решивший, что Персий намеренно скрывается под унизительно-грубой маской *paganus* – "to criticize Nero with impunity"⁵¹. Это объяснение диктуется непрекращающимися попытками приписать Персию критику официальной власти, политики Нерона и, может быть, даже его творчества⁵². На самом деле все проявле-

ex Pythagoreo). Ср. также по поводу *carmen nostrum*: Н. Küster. *De A. Persii Flacci elocutione quaestiones* (Löbau 1897) 13.

⁴⁹ Так понимает и Кёниг (*Op. cit.*, 10). Ср. также R. Reitzenstein. *Zur römischen Satire; zu Persius und Lucilius* // *Hermes* 59 (1924) 1–11. Однако Персий вряд ли стал бы специально ссылаться здесь на поэтов. Слово *poetridae*, очевидно, востребовано *picae*, также как и русское "сорока-воровка".

⁵⁰ Annaeus Cornutus. *De natura deorum*. Ed. F. Osann (Gottingae 1844) II; *A. Persii Flacci Satirarum Liber* ex. rec. C. F. Hermann (Lipsiae 1872) VI.

⁵¹ A. Pretor. *A Few Notes on the Satires of Persius with Special Reference to the Purport and Position of the Prologue* // *CR* 21 (1907) 74.

⁵² Такие попытки делались еще в XVII в. (D. Weddeborn. *Op. cit.*, 4). Известное место *Vita*, согласно которому Корнут заменил слова *Auriculas asini Mida rex habet* на *...quis non habet?* (1, 121) свидетельствует только о том,

ния государственной жизни нашему поэту совершенно безразличны – и как философу, и как человеку:

...Etsi adeo omnes
Ditescant orti peioribus, usque recusem
Curvus ob id minui senio aut cenare sine uncto (6, 15–16).

Дж. Д'Анна, понимающий *semipaganus* как *rusticus* – “грубый деревенщина”, пытается объяснить эту грубость указанием на литературную полемику с Проперцием (II, 5, 25–26). Для того, чтобы оценить эту параллель, место из Проперция следует привести *in extenso*:

Nec tibi conexos iratus carpere crines
Nec duris ausim laedere pollicibus:
Rusticus haec aliquis tam turpia proelia quaerat,
Cuius non hederac circuere caput.

Проперций обращается к Кинфии, недовольный ее легкомыслием. Допустим, Персий действительно намекает на данные строки. Проперций: “Мне не к лицу сцепляться с девицей; Я не мужлан – меня украшает венок поэта”. В ответ на это Персий: “А я – *rusticus*”. “Ну и дерись с девицами”, – пожмет плечами читатель... Д'Анна безусловно прав в том, что Персий не принимает поэзии в том виде, который представлен стихами Проперция, и в первой сатире есть обидные намеки на неотериков. С другой стороны, известно, что стойки часто вырывали из контекста известные изречения, приспособлявая их к иллюстрации своих философских выкладок. Но то, что наш поэт имеет в виду какие-то конкретные стихи Проперция, доказать нелегко. Прямой намек на данное место в стихах, предназначенных для высокообразованной аудитории (а именно таких слушателей и читателей имел Персий в лице членов кружка Корнута), был бы слишком рискованным.

Как видим, попытки доказать, что Персий бравирует грубостью, в целом оказываются несостоятельными. Видеть в *semipaganus* противопоставление искусственной утонченности современных поэтов собственной грубой, но неподдельной искренности мешает также схолий к началу первой сатиры (вероятно, античного происхождения), дающий совершенно противоположную характеристику Персия как поэта.

что Корнут боялся, что этот стих может быть понятым превратно. Остальное – то, что сатирик здесь нападает на императора – есть не что иное как произвольное толкование данного стиха античным грамматиком – возможно, имеющее в основе некое предание.

Pers. 1, 1: O curas hominum o quantum est in rebus inane;
 Schol.: semetipsum redarguit, quod ipse relinquit carmina, quae vulgus
 lecturum non sit, quoniam non sunt vulgaria: et quod minime
 conveniunt robusto ingenio... haec satyra scribitur de iis, qui publice
 captant famam ex favore imperitorum.

У нас, к сожалению, нет хороших параллелей для употребления *paganus* в переносном смысле. Небезынтересным для нашего анализа является уже упоминавшееся место из писем Плиния Младшего (VII, 25, 6):

Ut in castris, sic etiam in litteris nostris sunt plures cultu pagano, quos
 cinctos et armatos, et quidem ardentissimo ingenio, diligenter scrutatus
 invenies.

Словари единодушно предлагают видеть здесь в прилагательном *paganus* значение *indoctus, unlearned* etc. Однако это понимание *ad hoc*, не учитывающее содержание всего письма. Плиний рассказывает о своем визите к Теренцию Юниору, военному в отставке, который пренебрег дальнейшей карьерой, удалился в свое поместье и ведет там непритязательный деревенский образ жизни. Столичный гость собирается завести разговор о хозяйстве, урожае, то есть о том, что, по его мнению, должно представлять интерес для сельского жителя. Но Теренций неожиданно выказывает недюжинную образованность, великолепное знание обоих языков, остроумие и вкус, удивительные в провинциальном обывателе. И Плиний наивно восхищается теми, кого мы, судя по обличию и образу жизни, почитаем за мещан и “деревенщину”, но кто при ближайшем рассмотрении обнаруживает ум и образованность, отвечающие самым высоким столичным меркам. Итак, *cultu pagano* предлагается понимать как “деревенского”, “мужицкого” (но не “дураковатого”, “тупого” [словари] и не “штатского” [Казобон]) обличья, образа жизни.” Так понимают и переводчики: “Leute von spiessiger Lebenshaltung” (Кастен); “abbigliamento da communi borghesi” (Трисолио), “людей крестьянского обличья” (Доватур)⁵³.

Учитывая параллельно развивавшееся *rusticus* и в особенности *agrestis*, мы вполне можем заключать о значении *paganus* у Персия. С другой стороны – и в этом убеждает цитируемый пассаж Плиния – мы вправе предполагать, что метафорическое

⁵³ *Plinius Briefe* lateinisch-deutsch hrsg. v. H. Kasten (München-Zürich 1990) 416–417; *Opere di Plinio Cecilio Secondo*. A cura di Fr. Trisoglio (Torino 1973) 747; *Письма Плиния Младшего*. Пер. М. Е. Сергеевко, А. И. Доватура и В. С. Соколова (Москва 21982) 132.

(*translatio durior*) *paganus* более, чем *rusticus*, было приближено к своему прямому значению, то есть вызывало ассоциации в первую очередь с определенным – подлым сословием.

Главным недостатком приведенных толкований *semipaganus* как *semirusticus* является, на наш взгляд, то, что они уделяют недостаточно внимания *semi-*. Между тем, вопрос, заданный Мос-том: “why does not he call himself a full rustic”⁵⁴, – остается неразрешенным. Попытка Кисселя видеть в *semi-* опять-таки смягчение уничижительного *paganus* (ср. *subrusticus* – например, Cic. Or. 161) несостоятельна, так как все обнаруженные нами композиты с *semi-*, в которых второй частью является существительное, имеют значение “наполовину”, а не “слегка”. Ср, например, *semihomo* (Ovid. Met. XII, 86 – о кентавре), *semimas* (Ovid. Met. IV, 381 – о гермафродите) и т. п. Близкое нашему слову прилагательное *semiagrestis* у Аврелия Виктора также значит “наполовину крестьянин (по происхождению)”⁵⁵. *Semi-*, конечно, смягчает качество и в персиейской метафоре может быть лишено прозаической точности, но значение половинности все же является для этого слова обязательным, и даже в поэтическом контексте перевод “наполовину” не будет буквализмом. Вообще, Персий не относится к тем поэтам, которые намеренно создавали расплывчатые образы. Стремясь выразиться кратко, он часто перегружает свои метафоры, делая их избыточно содержательными, но мы, как правило, можем проследить логику каждого мыслимого им образа.

Однако, прежде чем перейти к нашему толкованию, заметим, что само слово *paganus* в метафорическом смысле скорее всего должно было восприниматься аудиторией как заведомо многозначное. Так, когда мы иронически называем человека “дервня”, имеется в виду, что он и неотесан, груб, и не очень образован, и, пожалуй, туповат. Понять, в сторону какого значения склоняется Персий, можно, только установив, какое качество в себе он противопоставляет ложному (и покупному) вдохновению, замеченному в других поэтах. (При этом, конечно, неминуемо возникнет и ассоциация с другими качествами, скры-

⁵⁴ G. Most. *Op. cit.*, 2052. Объяснение самого Моста: Персий считает, что половину времени необходимо проводить в сельском уединении, потому что мудрецам, как пишет Корнут, потребно одиночество – *ἐπειδὴ χρεῖαν ἔχουσι τοῦ μουνάζειν καὶ συνεχῶς εἰς τὴν ἐρημίαν ἀναχωρεῖν οἱ φιλομαθοῦντες* (*Epidr.* XIV, 17, 17–18), – представляется натянутым.

⁵⁵ Sext. Aurel. Vict. *De Caes.* 360: ... Maximianum, ... quamquam semiagrestem, militiae tamen atque ingenio bonum...

тыми в *paganus*.) Ситуация усложняется тем, что в себе Персий видит это качество только отчасти, вернее – наполовину.

Как мы убедились, даже самоирония вряд ли может оправдать применение к самому себе определения *semipaganus* в значении “неуч” или “неотесанный человек”. Персий, как это явствует из его собственных стихов и из отношения к нему современников и позднеантичных ценителей, представляет полную противоположность и тому и другому качеству. Поэтому единственная возможность объяснения *semipaganus* заключается в попытке истолковать это самоопределение в духе критики *других* поэтов, ироническую оценку которых мы видим в первых стихах, а оскорбительный выпад против них завершает Пролог.

В качестве иллюстрации возможности подобного переноса рассмотрим известное параллельное место из Горация (*Serm.* I, 4, 39–40), впервые замеченное Казобоном⁵⁶:

Primum ego me illorum, dederim quibus esse poetas,
Excerptam numero: neque enim concludere versum
Dixeris esse satis neque, si qui scribat uti nos
Sermoni propiora, putes hunc esse poetam.

Далее Гораций отстаивает право комедии и сатиры на то, чтобы считаться поэзией. Конечно, недостаточно просто сложить метрически правильные стихи – иначе чем бы настоящий поэт отличался от графомана? Но разве Гораций считал, что суть поэзии только в возвышенных речах? Настолько ли Гораций скромен и простодушен, как думают интерпретаторы? В комментарии А. Кисслинга – Р. Хейнце это место понимается однозначно: Гораций хочет успокоить тех, кто боится быть ославленным в его сатирах, и обезопасить себя перед августовской цензурой: незамысловатые стишки вряд ли могут сойти за *liber famosus*⁵⁷. Но, как нам кажется, горадианское простодушие скрывает тонкую иронию. “Тому, кто говорит о себе, что он поэт, я охотно уступаю. Но если поэты таковы, то я, конечно, не поэт”. Это, заметим, чисто логический юмор. Вспомнив Аристотеля (*Тор.* II, 8, 113 b 22–24 – то, что в современной логике именуется законом контрапозиции), мы поймем Горация отчетливее: “Если они поэты, то я не поэт. Но (судите сами) то, что я пишу, – настоящие стихи. Следовательно, это они не поэты, а пустые хвастуны”. (Мы намеренно переложили Горация в не-

⁵⁶ I. Casaubon. *Persiana Horatii imitatio* (Lipsiae 1833) 346. К. Дессен (*Op. cit.*, 17) ошибочно называет Лео первооткрывателем этой параллели.

⁵⁷ Q. *Horatius Flaccus* erklärt v. A. Kiessling – R. Heinze II (Berlin 1921) 74.

сколько более категоричной и “правильной” форме, понимая, что поэт не должен выражаться в категориях логических трактатов.) Такая логика уже предельно близка Персию. Подобная шутка, возможно, содержит и в приведенном выше (с. 110) тексте *Corpus Priapeorum* (68, 1–2). Приап, иронически называя себя *rusticus, indoctus, rudis* и тонко пародируя гомеровские декламации хозяина в изящно-непристойном духе, таким образом переносит эти качества на самого хозяина.

Итак, мы предполагаем, что, придумав такое слово, Персий имел в виду своего рода обратное умозаключение⁵⁸. Объявив, что он не полоскал губ в лошадином источнике, и противопоставив себя таким образом другим поэтам – ἔνθεοι, Персий иронически называет себя “полудеревенщина”. При этом все содержание сатир, наоборот, указывает на утонченность Персия, на книжное знание жизни, которое ему как сатирику ставила в вину последующая традиция, на пафос учености и вместе изящества, не раз подчеркивавшийся античной критикой и замеченный учеными нового времени. Мы предполагаем, что ирония молодого поэта, имевшего все основания для некоторого снобизма по отношению к более легкомысленным современникам, направлена именно на них: “Они выпендренно заявляют о своей боговдохновенности – пускай. Но в таком случае я – *paganus*.” Читатель, знакомый с Персием, должен был, думалось поэту, понять, что подлинными *pagani* являются как раз те, кто, кичась вдохновени-

⁵⁸ Отметим, что в его сатирах нередко встречается обыгрывание логических конструкций. Логика – гордость стоиков, самая сложная и оригинальная составляющая часть Стои. (Ср. *SVF* II 245, 249 а, 242, откуда явствует, что, помимо силлогизмов, стоики разрабатывали и более фундаментальные закономерности – закон отрицания третьего и другую аксиоматику). Последний стих Персия – *Inventus, Chrysippe, tui finitor acerivi* (6, 80). Речь здесь идет о знаменитом сорите. Не исключено, что данный стих оказался заключительным благодаря редакторской деятельности Корнута, что указывает на важность вопросов логики для его кружка. Римляне вообще не занимались логикой специально, но узкий круг первых читателей Персия был, очевидно, прекрасно подготовлен к восприятию мысли поэта. Любопытен также другой известный стих: *Scire tuum nihil est nisi te scire hoc sciat alter* (1, 27). Мы усматриваем для него два ранних источника: *Lucr.* IV, 469–470: *Denique nil sciri si quis putat, id quoque nescit / an sciri possit, quoniam nil scire fatetur*. Если в приведенных стихах убежденного стоика Персия нет прямой пародии на Лукреция, эта параллель должна быть, безусловно, лишь формальной и указывать на возможность игры с глаголом *scire* в текстах философского и псевдо-философского содержания. Ср. *Lucil.* 1, 48–49 (122 Krenkel): *Si me nescire hoc nescis, quod quaerere dico, / Quare divinas quicquam?* Интересно, что Луцилий, бывший, судя по *Vita*, вдохновителем сатир Персия, также любил логическую казуистику.

ем, на самом деле обнаруживает свою несостоятельность в качестве поэтов.

Semi-, очевидно, придает данной конструкции еще большую определенность. Если Персий – *semipaganus* (полупростец), так как отнести себя к *paganus* полностью не позволяет декларируемое им отсутствие вдохновения (ср. *ipse*, то есть “*sine divino afflatu*”), то другие, вдохновлявшиеся, – полные простецы, *compagani* (слово, засвидетельствованное в надписях⁵⁹, намек на которое можно увидеть в нашем стихе). Именно таких темных простецов-крестьян и занимает в первую очередь их *venter*. Современные поэты, по обидному намеку Персия, похожи на тех людей, которых их социальный статус заставляет заботиться о пропитании, досуга же, посвящаемого ученым занятиям, они не имеют.

Так, на наш взгляд, ключевое слово *semipaganus* может объединять части Пролога⁶⁰. Об этом свидетельствуют и схолии. Высказывание схолиаста в первой части приведенного нами текста о том, что этом слове заключается сатирический смысл (*et hoc verbo humili satyrico modo usus est*), подразумевает не самоиронию, а как раз насмешку над другими и критику современного порядка,⁶¹ в данном случае – нравов этих самых поэтов, которые в конечном счете обвиняются и в грубости, и еще более в необразованности. Горацианская ирония, обнаруживаемая в *semipaganus* Персия, дает нам, таким образом, возможность понять, какие значения *paganus* в первую очередь выделяет Персий, и вместе с тем увидеть, что и у Персия это слово остается в тесной связи со своим исходным метафорическим смыслом – “крестьянский”, “деревенский” (с указанием на сословную принадлежность).

⁵⁹ *CIL* II, 1043; II, 4125; X, 3772.

⁶⁰ Конечно, связь эта остается крайне слабой, но рассчитывать на абсолютную композиционную стройность в данном случае не приходится (иначе не было бы и самой проблемы). Важно, что данное понимание с необходимостью дает такую связь, не претендуя на сведение к общему знаменателю всех затрагиваемых в Прологе тем. Самый важный из остающихся за рамками нашего толкования мотив – попугаи, вороны и сороки – достаточно ясен. Так Персий стремится унижить современных поэтов, и связь этого прозрачного смысла с предлагаемым толкованием *semipaganus* не вызывает сомнений. Помимо сказанного, композиционная стройность Пролога, подтверждается, видимо, и тем, что, начав с Пегасова копыта, Персий в конце, уже открыто издеваясь над горе-поэтами, снова возвращается к образу Пегаса. Дополнительным аргументом в пользу единства Пролога служит, как нам кажется, и симметричность его частей.

⁶¹ Ср. определение сатиры грамматиком Диомедом: *Gramm. Lat.* I, 485, 30.

Предлагаемое толкование помогает также сгладить одно смущающее исследователей противоречие. В 5-й сатире Персий говорит, что открывает свою душу Корнуту по побуждению Камены. Как это согласуется с отрицанием вдохновения автором Пролога? Можно опять-таки пытаться списать все на римское "происхождение" Камены⁶² или решить, как это делает Дж. Брэмбл⁶³, что в качестве стимула, побуждающего исповедоваться перед Корнутом, муза все же подходит. Однако гораздо логичнее признать, что в Прологе не отрицается вдохновение вообще, но лишь критикуется стремление литературных халтурщиков этим вдохновением оправдаться.

Понятое таким образом в контексте "Холиямбов" *semipaganus* формулирует творческую установку Персия: стихи должны быть выношены и отточены (ср. *Vita: et rago et tarde scripsit*). При этом в *semipaganus* не содержится, конечно, никакой похвалы самому себе: отчасти ("наполовину") Персий все же *paganus*. Горькая насмешка над собой может, на наш взгляд, заключаться в этом слове, так как по представлениям Персия, замштованным из общих мест стоиков, поэзия вообще не является достойным занятием⁶⁴. Самооправдание нашего поэта мы найдем в 1-й сатире:

quid faciam? Sed sum petulanti splene – cachinno (ст. 12).

Так же, как и Гораций⁶⁵, Персий не может не писать, причем не писать сатир. Но, оценивая себя как *paganus*, он отдает себе отчет в том, что занятие поэзией, восприятие которой необходимо зависит от читателей, в большинстве своем неспособных верно судить о вещах, вообще нелепо (так и мы говорим человеку "темнота", если он не понимает очевидных вещей), а сатирическая критика недостойна истинного философа-стойка. Посвятив в той же 1-й сатире несколько замечательных стихов римским древностям и простым радостям сельской жизни (это одни из самых сильных, по нашему мнению, стихов Персия) он издева-

⁶² С. Dessen. *Op. cit.*, 18.

⁶³ J. Bramble. *Persius and Programmatic Satire. A Study in Form and Imagery. Style and Expression in Persius' Fifth Satire* (Cambridge 1974) 6.

⁶⁴ См.: P. De Lacy. *Stoic Views of Poetry* // *AJPh* 49 (1948) 250, 264, 270.

⁶⁵ Hor. *Serm.* II, 1. Свое credo сатирика Гораций отстаивает в *Serm.* I, 4. При этом он, так же как и Персий, отталкивается от староаттической комедии. О горацианском понимании творчества: E. Fraenkel. *Horaz* (Darmstadt 1983) 151.

тельски говорит сам себе как бы от лица предполагаемых читателей – euge poeta (ст. 75)!

В заключении вспомним еще один пассаж из жизнеописания Персия:

Lucanus mirabatur adeo scripta Flacci ut vix se retineret, recitante eo, clamare, quin illa esse vera poemata, quae ipse ludos faceret⁶⁶.

Рукописная традиция для этого места крайне противоречива. Чтения двух лучших рукописей: M – quae ille esse vera poemata suo ludo faceret; L – quae illa esse vera ipsa poemata ipse luto (!) facere (i. e. – quae ipse ludos? – Лео).

Попытки интерпретации этого места свелись к двум возможностям:

а) Лукан утверждает, что Персий играючи пишет истинные стихи (Ян, Киссель – опираясь на чтение M.). Suo ludo можно понять только как "для своей забавы", т. к. при понимании "играючи" (Киссель) suo является избыточным при dat. modi ludo. Но, помимо очевидной грамматической шероховатости, этому мешает несоответствие: писать стихи для забавы не подходит поэту-стоику.

б) Лукан говорит, что его стихи – *ludi* по сравнению с настоящими, серьезными стихами Персия. Последней интерпретации отвечает наше чтение этого места *Vita*, которое следует тексту в редакции Лео. Возражения Кисселя: "litterarisch inadequaten Vergleich zwischen Satiren und Epos und die psychologisch kaum wahrscheinliche Selbstdeklassierung Lucans als Schöpfer von ludi" – недостаточно убедительны. Лукан говорит здесь не о своей поэме (неизвестно, была ли она закончена к данному моменту), но вообще – о своем литературном труде. Если вместе с Яном⁶⁷ предположить, что восклицание автора "Фарсалии" относится к Прологу, возможно даже – к нашему месту, будет ли правомерным считать, что Лукан, представитель возвышенной поэзии, воспринял и на свой счет упрек, содержащийся в *semipaganus*, и выразил восхищение скромной гордостью нашего поэта, отождествив себя с его литературными оппонентами?

Суммируя сказанное, мы приходим к выводу, что композит *semipaganus*, бывший камнем преткновения на пути интерпрета-

⁶⁶ Текст по Лео: *A. Persii Flacci, D. Junii Juvenalis, Sulpiciae Saturae*. Rec. O. Jahn. Post F. Buecheleri iteratas curas ed. quint. curavit F. Leo (Berolini 1932) 65.

⁶⁷ *Ed. major*, 235.

ции Персиева Пролога, скорее всего, дает нам еще один образец творческого развития Персием гораццианской поэтики⁶⁸. Выпад против современников, сделанный однако с оглядкой на собственный – увы – бесполезный труд, не только вписывает это слово в общую структуру “Холиямбов”, соотнося их с дальнейшими поэтическими декларациями (в своих сатирах Персий не раз упрекает современников, в том числе поэтов, в невежестве, лени, грубости, желании следовать моде и т. п.), но и сообщает им новый мотив – ироническое отношение поэта-философа к собственным стихам, мотив, подхватываемый и развиваемый в самом начале первой сатиры.

М. М. Позднев

Санкт-Петербургский университет

Die Gliederung des Prologs in zwei Teile, deren Zusammenhang sich immer noch als problematisch erweist, sowie die semantisch isolierte Position der auffällig wichtigen Selbstdefinierung “semipaganus” veranlassen zu zahlreichen neuen Versuchen dem auch sonst nicht immer durchsichtigen Gedankengang des Persius auf die Spur zu kommen. Verschiedene allgemeine Erörterungen werden in eine thematische Reihenfolge gebracht, wobei ich besonders darauf aufmerksam mache, daß “ipse” die unbedingt klare Bedeutung “sine afflatu divino” zu haben scheint.

Die Erklärungen des erwähnten Kompositums werden näher betrachtet. Auf Grund der mittelalterlichen Terminologie im mittleren Teil und der unwahrscheinlichen Etymologie am Ende des Scholions zu “semipaganus” zeigt sich der ganze zweite Teil für unsere weiteren Erörterungen als uninteressant. (Dabei gehe ich, wie auch W. Kißel, davon aus, daß “semipoeta” eine Glosse gewesen sei.) Dagegen scheint der erste Teil ein auf einen antiken Kommentar begründeter Erklärungsversuch zu sein.

Die moderne Interpretationen (vgl. etwa D. Bo) stimmen völlig mit denen der Scholiasten überein. Darunter “semipaganus” = “semipoeta” ist nicht möglich, weil “pagus” ausschließlich einen “Bezirk”, nicht aber ein “Kollegium” beschreibt. Die Interpretation “semipoeta” hätte aber einen wichtigen Vorteil: sie bedingt die Funktion des “semi-”, da Persius sich nach der Verweigerung der göttlichen Eingebung nur als *Halbdichter* definieren kann.

⁶⁸ Всего у Персия насчитывается более 200 реминисценций из Горация. Обыгрывание гораццианских мотивов, сознательное допущение в тексте прямых цитат из гораццианских пассажей – все это свидетельствует о том, что Персий как поэт нового стиля именно в Горации видел тот образец, который он призван улучшить.

Die andere, von mehreren modernen Wissenschaftlern aufgenommene Interpretation – "semipaganus" = "semirusticus" soll mit Rücksicht auf die offenkundige Mehrdeutigkeit des "paganus" überprüft werden, der als "indoctus" (1) und als "rudis" (2), beide im sehr scharfen Sinne, aufgefaßt sein könnte. Leider fehlt es uns an Beispielen von "paganus" im übertragenen Sinne. Doch Plinius J. gibt ein Beispiel (*Ep.* 7, 25, 6 – erst von I. Casaubon beigezogen), aus welchem man mit grosser Wahrscheinlichkeit schließen könnte, daß "paganus" sensu translato näher als "rusticus" oder "agrestis" zu seiner ursprünglichen Bedeutung des "Pagusbewohners" und damit des Menschen niederen Standes war.

Demzufolge beweist die kritische Betrachtung beider erwähnter Möglichkeiten im Vergleich mit den sonst in den Persiussatiren anzutreffenden Aussprüchen über die Person des Dichters eine auch durch Ironie kaum erklärliche Derbheit des auf sich selbst bezogenen "paganus". Die Gelehrsamkeit und Eleganz behandelt Persius immer mit äußerstem Respekt. Er erweist sich offenbar als "urbanus" (vgl. Schol. zu 1, 1), weswegen "paganus" jedem, der den Dichter näher kennt, sonderbar erscheinen wird. Auch das antigriechische (K. Dessen), antineronische (A. Pretor) und selbst antineoterische (G. D'Anna – aus zu riskanter Properz-Parallele) Pathos können diese pejorative Bedeutung des metaphorischen "paganus" nicht rechtfertigen. Die andere Schwierigkeit ist eine verschwommene Funktion von "semi-", die im Falle der Substantivkomposita auch im poetischen Kontext eine Bedeutung von "Halbheit" aufrecht zu erhalten pflegt und daher eine notwendige Erweichung des "paganus" kaum ermöglichen kann. Der Sinn des persianischen ἀπαξ kann weiter nur unter Berücksichtigung der Kritik der zeitgenössischen Poesie in den ersten und letzten Versen des Prologs aufgeklärt werden.

Es wird also allmählich klar, daß "semipaganus" = "semirusticus" als ein neuer Angriff gegen die zeitgenössische Dichtung verstanden sein soll. Das wird auch durch den ersten Teil unseres Scholions bekräftigt: "hoc verbo humili satyrico modo usus est." Wie wäre aber solche Übertragung möglich gewesen? Eine bekannte Horazstelle (*Serm.* 1, 4, 39–40: *Primum ego me illorum, dederim quibus esse poetas, / Excerptam numero* – noch ein Fund von I. Casaubon) läßt den konstruierten Gedankengang des Persius sichtbar werden. Ich schlage vor, daß Horaz nicht nur ein "Scheinmanöver" unternimmt (A. Kiessling), um der augusteischen Zensur zu entgehen, sondern darüber hinaus eine humorvolle, aber auch heftige Charakterisierung des "poetarum numerus" geben wollte: "Ihr seid poetae?! Dann bin ich keiner!" (Doch jeder, der mich einmal gelesen hat, versteht, wer ein echter Dichter ist.) Vgl. auch *Carm. Priap.* 68, 1.

Dem engen, auch in Logik geübten Kreis der Persiusleser muß eine solche ironische Entgegensetzung ohnehin deutlich gewesen sein: «Ihr seid poetae (ἔνθεοι)? Dann bin ich ein "paganus"! (Was aber ein evidenter Widerspruch mit meiner durch Lebensform und Poesie bekannten Gestalt ist.)» Das scheint also nichts anderes zu sein, als noch eine Horazvariation, die sonst bei Persius

so oft zu treffen sind. Das durch die Negierung der Musen bedingte "semi-" kann, meine ich, die Übertragung des groben "paganus" auf die oben erwähnten Dichter, d.h. auf die ἔνθεοι noch offensichtlicher machen. Im Gegensatz zu unserem "semipaganus" lassen sie sich nun als vollkommene "pagani" denken. Gerade auf solche gemeine Leute spielt Persius zunächst an, da sie notwendig vom "venter" abhängig sein sollen und damit kein *otium* haben, um schöne Gedichte zu schreiben.

Fassen wir jetzt eine der Musennegierung widersprechende Anwendung an die Camene in 5, 21 oder das sonst nicht ganz verständliche Zeugnis der Anerkennung des Persius durch Lukan ins Auge, so ist nicht zu leugnen, daß diese Passage eher die Kritik des mauvais genre sowie der hinter dem "Parnaß" steckenden literarischen Pfuscherei als eine richtige Verneinung der göttlichen Begeisterung darstellen soll. Was nun aber den Dichter selbst betrifft, ist dies eine dem Stoiker offensichtliche Eitelkeit der Poesie im ganzen und der satirischen Poesie insbesondere. In dem Sinne ist Persius auch ein "paganus", da er, wie auch Horaz, ohne das Dichten nicht leben kann.